

Пустошинская Ольга Сергеевна

**РЕТРОСПЕКЦИЯ, КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/14.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 58-61. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 327.35

*Ольга Сергеевна Пустошинская**Тюменский государственный университет*

РЕТРОСПЕКЦИЯ, КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ®

Студенческий политический протест - явление особое, исключительность которого задана характеристиками носителя, с одной стороны являющегося частью системы и воспроизводящего в определенной степени ее установки, продиктованные свойствами политического времени, с другой, согласно К. Мангейму, ее аутсайдером без устойчивых привычек общежития, проникающим в сложившуюся структуру извне и потому ориентированным на ее изменение с внесением новых элементов [5, с. 446]. Изучаемый феномен можно рассматривать и как проекцию, локальное преломление тех дилемм и столкновений, которые рассекают все проблемное поле общественно-исторической и социокультурной действительности, и в качестве автономного эксперимента, специфического продукта постмодерна, определяющего переход от статичных обществ к динамичным, сопровождающийся перегруппировкой поколенческих сил в пространстве формирования новой культурной формы и разработки противоречащих тенденциям укоренившегося порядка стандартов поведения, и как экзистенцию-требование свободы, выбора, значимости личностного начала, социальной справедливости, открытости лифтов вертикальной мобильности.

Изучение вопроса свидетельствует, что студенческая молодежь стала объектом повышенного внимания, притяжения спектра академических интересов и переkreщивания различных мировоззренческих и политических ориентаций по историческим меркам совершенно недавно: на Западе благодаря бунтам 60-80-х гг. XX в. и в России - вследствие революционных переворотов на постсоветском пространстве в начале третьего тысячелетия. Лишь заявив о способности самостоятельно преобразовывать личный политический капитал в функцию в режиме и масштабе массивированного, широкоформатного, разрушительного для государственного устройства консолидированного действия, она обрела политический вес и право на обладание собственным типом мышления, шкалой ценностей, системой коммуникации, продемонстрировав транснациональные черты, получила признание на восприятие в качестве влиятельного, хотя и подверженного манипуляции, политического субъекта. Между тем, историческая ретроспектива позволяет констатировать, что университеты во все эпохи являлись не только образовательными учреждениями, средоточением научной мысли, но и центрами зарождения и развития новых идей, влекущих зачастую глубокие общественные изменения. Университетская атмосфера определяла особый тип сознания и диктовала соответствующую линию поведения. Неудивительно, что позиция студенческого сообщества становилась фактором как локальных общественных беспорядков, так и важнейших социально-политических сдвигов во многих странах мира. По словам А. Х. Хэлси и С. Маркса, исторические документы средневековых европейских университетов изобилуют записями об активном участии студентов в столкновениях с жителями городов [15, р. 35]. В лежащей в основе конфликтов проблеме общественной интеграции и резкой дифференциации обнаруживается конгруэнция социальной модальности и политической коннотативности, сопряженность отношений противостояния между отдельными представителями с конфронтацией, разворачивающейся между двумя конкурирующими центрами и типами коллективности - городской коммуной во главе с правящей группой, отстаивающей исходные институциональные завоевания, параметры сложившейся структуры, порядок распределения в ней власти и ресурсов, и корпорацией магистров и учеников, получившей, как указывает М. Суини, благодаря указам Фридриха I Барбароссы, Филиппа II и Папы Григория IX публично-правовой статус и ряд привилегий: на автономии, выгодные схемы выстраивания экономических взаимодействий с городом, освобождение от повинностей, подсудность органу епархии, в случае нарушения местными жителями установленных в рамках высшей светской и духовной юрисдикции прав университета декретированное разрешение на прекращение деятельности [9, с. 45-49].

Цивилизационное развитие обусловило изменение величины характера, мотивов и механизмов студенческого протеста, который начал отражать борьбу в масштабном социально-политическом и национальном контексте в соответствии с интересами и под руководством основных сил, господствующих либо добивающихся включения в центральную политическую структуру, и в рамках которого не только осуществлялось выдвижение конкретных требований, но и отстаивалась более широкая система принципов, несущая на себе «отчетливый отпечаток якобинства» [10, с. 82]. Согласно Г. Мартинотти, в Италии в период Рисорджименто, включающий 1815-1861 гг., студенческие политические бунты проходили под лозунгами борьбы за национальную независимость и объединение и совершались с интервалами в десять-двадцать лет. Известно, что из молодой когорты университетов формировались студенческие батальоны, выступающие против австрийских военизированных формирований на стороне итальянской буржуазии. Организация в 1865 г. А. Бакуниным в Неаполе политического клуба, объединившего студентов, породила традицию их деятельного участия в социалистическом движении и Первом Интернационале [18, р. 167].

В России создание в 1860 г. тайного общества «Молодая Россия» послужило импульсом к разрыву сети подпольных революционных кружков, кадровый состав которых отличался принадлежностью к молодежной высокообразованной либо находящейся в процессе обучения стране. С течением времени студенческий городок превратился в антиправительственный центр, находящийся вне официального регулирования и ставящий под вопрос сложившийся политический порядок [6, с. 41-42]. В Китае студенческое движение, с одной стороны, способствовало процессам модернизации, инициированным императорским домом, с другой - стимулировало распространение в обществе радикальных республиканских взглядов, вызвавших в 1911 г. свержение правящей династии. В 1920-1940 гг. в Европе студенчество стояло в авангарде фашистского и антифашистского движения одновременно [20, S. 338-339], позднее в странах Азии и Африки, проявив высокую политическую мобильность, вступило на авансцену антиколониальной борьбы [11, р. 238-243; 14, р. 381-389; 16, р. 351-363]. Анализ хронологии дальнейших исторических событий, начиная со второй половины 1950 гг., дает право для причисления студенческой молодежи к ключевым фигурам социально-политических переворотов, пертурбаций, демократических преобразований. Например, исследователями указывается на значительную роль, которую она сыграла в свержении Перона в Аргентине в 1955 г., Переза Жименеза в Венесуэле в 1958 г., в военном перевороте в Турции в 1960 г., выступлениях против Договора о безопасности между США и Японией в 1960 г., повлекших за собой отставку правительства Киши, успешном сопротивлении Диему во Вьетнаме в 1963 г., в движении против президента Сукарно в Индонезии в 1966 г., низложении власти Аюб Хана в Пакистане в 1969 г. [17, р. XVI-XVII], Октябрьских демонстрациях в Польше в 1956 г., Венгерском мятеже 1956 г., событиях в Чехословакии и Югославии в 1968 г. [19, р. 31-39]. На протяжении пятнадцати лет (с 1960 по 1975 гг.) студенческое движение в США, проходившее под лозунгами борьбы с бедностью, за гражданские права афроамериканцев, равенство, демократизацию всех сфер общественной жизни, в том числе высшей школы, автономию вузов от военно-промышленных комплексов и корпораций, против милитаризации и войны во Вьетнаме, оказывало серьезное воздействие на социально-политическую ситуацию в стране. Крупнейшее выступление студентов отделения Калифорнийского университета осенью 1964 г. в Беркли [12, р. 3-320] и мятеж 1968 г. во Франции [13, р. 127-164] стали важнейшими в череде претендующих на суверенитет и лишенных ангажированности студенческих бунтов такого уровня, размаха, резонирующего эффекта и последствий, которые разделили эпоху на до и после, детерминировав конструирование новых пространств: социально-культурного и политического. Они запустили в СССР механизмы выработки и углубления политического недоверия и критики, обеспечив появление в Свердловске, Владимире, Горьком, Рязани, Саратове независимых альтернативных студенческих организаций, деятельность которых, несмотря на репрессии и пресечение, имела резонанс, вызвав к жизни диссидентскую солидарность [7, с. 239-241], стимулировали на Западе мощное развитие зарождающегося в 50х-60-х гг. XX в. демократического движения, определившего создание эффективной среды сопротивления и представляющего собой вид организованного недовольства, вызванного несоответствием ожиданиям, в том числе молодой генерации, транслируемых государством возможностей, и призванного защищать социально-демократический проект жизнеустройства, о чем свидетельствует политическая практика резонирующих на непопулярные государственные решения или наступательных в рамках стратегии сегментации общества, основанной на отказе от установленного порядка, протестов конца XX - начала XXI вв.

Молодежная политизация и радикализация расширили рамки политической игры, внося в нее элемент непредсказуемости. Их проявление стало чрезвычайным событием не только для общества, но и науки, обладающей опытом эмпирического анализа и построения моделей, имеющей в арсенале благодаря периодически проводимым с конца 40-х гг. XX в. полевым исследованиям экспериментальный материал. Авторами, к примеру, акцентируется внимание на том факте, что в благополучной, находящейся в состоянии экономического подъема и научно-технического развития Франции элитарная образованная молодежная группа, не преследующая первоначально определенной базовой цели и не имеющая программы революционных действий, сумела консолидировать и мобилизовать тоталитарно мыслящую и ориентированную на единый объект насилия толпу, способную разрушить систему, что послужило цепной реакцией для запуска конфронтационного процесса в более чем сорока пяти странах мира [3, с. 6; 21, р. 15-16]. По мнению ряда отечественных политологов, детальное изучение прецедента 60-70-х гг. XX в. позволило доминирующим агентам глобального политического процесса выработать и успешно применить в странах социалистического блока и на постсоветском пространстве технологию ведущего к эрозии системы поддержки власти целенаправленного и методичного разрушения ценностного, задающего устойчивость любой политической структуры комплекса с последующей реорганизацией институциональных основ [1, с. 384; 2; 4, с. 11-16]. Механизм ее реализации включал в себя массивное вытеснение из коллективного сознания прежних идеологем и приоритетов фиксированной программы общественного развития посредством эффективных приемов манипуляции с доминантой на оскорбительный юмор, критическую иронию и разоблачение содержания господствующей политики, а также деятельности государственного аппарата и одновременное культивирование либеральных взглядов и установок на американско-европейскую модель. Ставка делалась на масс-медийные и Интернет-коммуникативные средства, уличную шоу-политику, что обеспечило в высокоскоростном режиме вторжение новых дискурсов в общественное пространство, вызвав ожидаемую когнитивную реакцию.

Студенческой молодежи в сценарии конструирования нового порядка отводилась роль не только реципиента воздействия, потребителя западной продукции, но и основного пропагандирующего, организующего источника революционного актива и контингента уличных действий. Достигать стратегические интересы позволяло наличие экономического и символического капиталов, конвертация которых в молодежный политический ресурс осуществлялась в форме инвестирования иностранными организациями (например, National Endowment for Democracy, International Republican Institute, Open Society Institute, Freedom House, Fair Elections Foundation) проектов, таких как сербский «Отпор», грузинская «Кмара», украинская «Пора», и протекционирования подготовки их руководящего и активного кадрового блока с ориентацией на овладение искусством манипуляции и мобилизации фронды. Благодаря финансовым потокам, обслуживающим индивидуальные запросы и деятельность данных структур, появилась возможность эффективно проявлять себя в рекламном-информационном пространстве, получать доступ к легальным каналам политического влияния, обеспечивать выстраивание отношений между иностранными спецслужбами и аутсайдерами, оспаривающими приоритет властвующих сил, а также, используя способность социальной ткани к постоянной выработке настроений недовольства, интегрировать в сеть несогласную молодежь, сформировав тем самым широкую базу социальной поддержки. При этом авторами обращается особое внимание на изменение характера выступлений, которые, по их словам, не отвечали традиционным представлениям о хаотичности и иррациональности подобных массовых протестов, напротив, воспринимались как кампании, проходящие по правилам договорной игры. Ознакомление с теорией мобильных ситуативных сетей Г. Рейнгольда [8, с. 3-416] позволяет усмотреть в стратегии проведенных протестных операций элементы как сетевых войн, так и роевой тактики, разработанных с учетом возможностей новейших вычислительных систем, Интернета, спутниковой связи, беспроводных нательных устройств и телефонов, посредством которых было обеспечено инспирирование, динамичное слияние рассредоточенных субъектов «умной толпы», их локализация в реальном времени и пространстве и управление этой массой в режиме жесткой иерархии. При детальном изучении обнаруживаются также некоторые из регуляторов, составляющих основу happening-эффекта: шокирующая неожиданностью и направленная на предупреждение угрозы применения карательных санкций алогичность акций, нацеленная на вовлечение в коммуникацию соблюдающей нейтралитет аудитории цветовая и музыкальная аудио-визуальность происходящего, не нарушающие рамки законности, однако гарантирующие отдельным представителям власти политическую дискриминацию действия, связанные с наклеиванием стигм. Заметное повышение организационно-операционализированной оформленности протестного пространства, имеющее тенденцию к милитаризации, искусственно созданная атмосфера карнавала и присутствие иностранных наблюдателей, широко освещавших события в СМИ, способствовали элиминированию насилия как обязательного атрибута стихийности и агрессивного противоборства. Постановка вопроса справедлива как в отношении украинских событий 2004 г., в которых заполнение площадей, устройство пикетов, образование палаточных городков, их безопасное и дисциплинарное функционирование происходило под руководством студенческого движения «Пора», так и грузинской ситуации 2003 г., когда в условиях неартикулированного общественного консенсуса и реальной поддержки, оформленного лепестками роз дизайном театра политического действия осуществлялась силами молодежи блокада и захват объектов, олицетворяющих государство и власть.

Таким образом, осмысление вопроса в историко-хронологическом измерении приводит к выделению нескольких поколений активного студенческого политического протеста: *от простейшего* в виде локальных или масштабных стихийных реакций, связанных с требованиями адекватного признания и включения в общественную систему либо дополнительных материальных и символических благ, *к более сложному*, организованному и управляемому из взрослого политического центра виду, нацеленному на производство социально-политических, наиболее выгодных для внесистемных агентов последствий, получающему идеологическое, этническое либо патриотическое оформление и распространяющемуся на национальный уровень, *и далее через феномен*, имеющий космополитический, эмансипированный, самостоятельно организованный без какой-либо осознанной цели, значимого проекта и связной идеологии характер и основанный на противопоставлении сложившемуся порядку некой новой программы и стиля жизнеустройства, ведущих к расширению пространства публичной сферы, *до универсальной экспортируемой технологии протестной инженерии*, разработанной с учетом лучших достижений предыдущих проявлений, а также информационной эпохи, и представляющей реальную опасность для государственности.

Список литературы

1. Александров А. А., Кара-Мурза С. Г., Мурашкин М. А., Телегин С. А. Экспорт революции. М.: Алгоритм, 2005.
2. Кагарлицкий Б. «Оранжевый мираж» или начало политики? [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/columns/2007/11/19/125686.html> (дата обращения: 23.12.2009).
3. Климов Ю. Младешта на Западе протестира. М.: Издательство АПН, 1983.
4. Крушинский А. Колючий «бархат» // Родина. 2005. № 5.
5. Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с англ. М. И. Левиной. М.: Юрист, 1996.
6. Новиков В. Г., Петрова Т. Э., Фещенко В. В. Проблемы формирования молодежных общественных объединений в Российской Федерации: коллективная монография. М.: Издательство Российского государственного аграрного заочного университета, 2001.

7. Пенская Е. А. 1960-е годы. Молодежная политика и студенческие протесты в России // Вопросы образования. 2009. № 1.
8. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: Гранд-Фаир, 2006.
9. Суини М. Лекции по средневековой философии / пер. с англ. А. К. Лявданского. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001.
10. Эйзенштадт Ш. Н. Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость // Полис. 2002. № 3.
11. Altbach P. H. Student politics and higher education in India. Students in revolt. Boston: Beacon press, 1967.
12. Blackstone T., Gales T., Hadley R., Lewis W. Students in conflict L.S.E. in 1967. London: Weidenfeld and Nicolson, 1975.
13. Fields A. B. The Revolution betrayed: the French student revolt of May-June 1968 // Students in revolt. Boston: Beacon press, 1967.
14. Finlay D. J. Students and politics in China // Ibidem.
15. Halsey A. H., Marks S. British Student Politics // Ibidem.
16. Hochschild A. R., Moore C. H. Student unions in North African politics // Ibidem.
17. Lipset S. M. Students and politics in comparative perspective // Ibidem.
18. Martinotti G. The positive marginality: notes on Italian students in periods of political mobilization // Ibidem.
19. Nicolich M. 1968: student protest in Yugoslavia // New Politics. 1989. Vol. 2. № 3.
20. Petersen J. Jugend und Jugendprotest im faschistischen Italien. Jugendprotest und Generationenkonflikt in Europa im 20. Jahrhundert. Düsseldorf: Verlag Neue Gesellschaft GmbH, 1986.
21. Shills E. Dreams of plenitude, nightmares of scarcity // Students in revolt. Boston: Beacon press, 1967.

УДК 343.53

Ольга Сергеевна Пустошинская

Тюменский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И ЭЛЕМЕНТЫ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ[©]

В качестве исходного и принципиального начала исследования вопросов соучастия в насильственных преступлениях против собственности необходимо признать раскрытие сущности категории деяний, ответственность за которые установлена в юридических предписаниях гл. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ). Данное обстоятельство объективирует обращение к выделению и экспликации оснований и признаков, позволивших законодателю сгруппировать в микросистему, дифференцированную в общей совокупности запрещенных под угрозой наказания посягательств на объекты уголовно-правовой охраны, ряд обозначенных составов и осуществить на теоретическом уровне их классификацию с формированием отдельных подразделений в образованном делинквентном сегменте.

Анализ конфигурации норм в структуре УК РФ, а также осмысление принципов оглавления отдельных частей его текста обеспечивают обнаружение экономической мотивированности как ключевого критерия систематизации и объединения рассматриваемых преступлений в конкретном разделе и главе документа. Будучи поливариантно направленными в каждом отдельном случае, они, тем не менее, совершаются в экономической сфере и посягают на единый видовой объект - общественные отношения, основанные на признании неприкосновенности собственности. Одновременно обзор юридической литературы дает право говорить о том, что, несмотря на регламентированность в пределах легального дискурса, в науке уголовного права поднятая проблема не решается столь однозначно, оставаясь одной из сложных и дискуссионных. Это находит отражение в спектре конкурирующих друг с другом подходов, что неудивительно. В силу кумулятивности и динамичности научного процесса, детерминированного политико-экономическими изменениями и проявляющегося в постоянном обновлении и рефлексии знания, прежние юридико-концептуальные схемы подвергаются критическому анализу, осуществляется их пересмотр и обоснование новых конструкций на базе правоприменительной верификации. Так, наряду с традиционной, оформившейся в контексте классической экономической теории концепцией, в соответствии с которой собственность'affirmируется в качестве экономической категории, охватывающей широкий круг общественных отношений, закономерно складывающихся в области экономики [6, с. 6-7; 16, с. 43], в уголовной доктрине выделяется воззрение на объект рассматриваемых посягательств как юридическое явление, то есть гарантированное законом право в установленных пределах владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом [2, с. 9], а также предлагается смешанный подход, представители которого обосновывают экономико-правовой характер понятия, предполагающий констелляцию общественных отношений по поводу собственности и юридическую форму их реализации [3, с. 106-107; 10, с. 69]. Наконец, выдвигается радикальная идея. Ее адептами утверждается необходимость выработки нового взгляда на проблему, что обусловлено появлением в современной российской экономической сфере неизвестных ранее разновидностей отношений.